

ЧАСТЬ 1

Ноябрь

Днем Федор держался, а ночами с тоской смотрел в темный больничный потолок, пытаюсь осознать, что человек погиб по его вине. Осторожно, стараясь не разбудить соседей, он вставал, пил воду и тихонько выходил в длинный коридор, где под потолком бездушно мерцали вполсилы лампы дневного света.

Федор садился на банкетку, смотрел в темноту окна и думал, что его жертва ничего уже не видит и не слышит, и никаким раскаянием изменить это нельзя.

Иногда к нему подходила постовая медсестра, спрашивала, не плохо ли ему и не помочь ли чем, а Федор отвечал, что все в порядке, а в палате просто душно.

Сестричка убегала по своим делам, исчезая в полумраке бесконечного коридора и оставляя Федора на растерзание памяти.

Он видел Мишу Воскобойникова последний раз летом, когда приезжал к его отцу на дачу. Миша, растянувшись в плетеном кресле на веранде, ел яблоко, хищно кусая это яблоко белыми зубами, и Федор помнил, как остро тогда то

ли восхитился, то ли позавидовал Мишиной молодой силе.

Зная, что делать это не нужно, он все-таки посоветовал парню быть осторожнее, потому что возможности прокурора не безграничны, а юный Воскобойников посмотрел на него как на насекомое, хмыкнул и снова вгрызся в свое яблоко. Глаза у него были серые, стальные и холодные.

А теперь по его, Федора Константиновича Макарова, вине это сильное красивое тело мертво, лежит в земле и ничего не изменишь.

Как, зачем его понесло на встречную полосу? Федор хмурился, тер лоб, пытаясь вспомнить последние секунды перед аварией, но тщетно. Память молчала. Последнее, что было ясно — это как он обогнал автобус, действительно по встрече, но Федор совершенно отчетливо помнил, как после этого маневра перестроился на свою полосу. Или нет? Или это он додумал, а на самом деле только собирался вернуться на свою сторону, но мозг записал это намерение как свершившееся событие?

Наверное, так и было, но непонятно, с чего это он решился на рискованный маневр? Федор был водитель опытный, а потому аккуратный, и лозунг «не уверен — не обгоняй» принимал как непреложную истину.

В тот день он не выпил ни рюмки и держал себя в руках, хоть и ехал с похорон любимой женщины и своего нерожденного ребенка. То-

сковал по Глаше так же, как и сейчас, но до аффекта и психоза ему было очень-очень далеко.

Стоял прекрасный сентябрьский день, ни дождя, ни гололеда, и ям на том участке дороги тоже не было, это Федор знал точно, потому что до этого часто ездил с Глашей на залив. Резко спустило колесо или вообще отвалилось? Бывало такое в его шоферской практике, и Федор умел вовремя заметить неполадку, и знал, как действовать. Не заставила бы его подобная мелочь потерять управление и оказаться на встрече.

Что же случилось такое, за что поплатился жизнью Миша Воскобойников, наглый мажор, обалдевший от безнаказанности сынок и удивительно красивый парень, перед которым простиралась широкая дорога интересного будущего, а Федор перечеркнул ее одним движением руля?

Да, Воскобойников-младший натворил много плохого, но разве от этого легче? Разве можешь ты судить человека, которого собственной рукой лишил возможности раскаяться?

Миша был еще очень молод и мог бы измениться, стать порядочным человеком, если бы Федор его не убил. Ну а когда ты лишил юношу будущего, то беспокоиться о своем собственном как-то неловко и даже гнусенько. Поэтому Федор отмахивался, когда жена говорила, что пора искать хорошего адвоката, чтобы хоть как-то защититься от папы Воскобойникова.

Тот лютовал, но ярость его была Федору понятна, он даже немного стыдился, что сам не

чувствует ненависти к человеку, убившему Глашу, и не жаждет отомстить.

Наверное, легче пережить горе, когда ненавидишь, но Федор слишком во многом был виноват сам, чтобы позволить себе такую роскошь.

Он возвращался в палату, ложился, закрывал глаза и жалел, что не ушел в небытие. Он ведь почти умер в аварии, и эта смерть была не страшной, безболезненной, он совсем ее не помнил, а в следующий раз умирать придется наверняка мучительнее и труднее. Может, забьют на зоне уважаемые воры в законе, или вдруг повезет, и он умрет естественной смертью, но так легко уже точно не будет. А главное — ради чего он вернулся? Ради пустой и горестной жизни, в которой из чувств остались только тоска по Глаше и мучительное чувство вины?

Несколько дней назад сосед по палате, уже почти поправившийся и собиравшийся на выписку, внезапно умер от тромбоэмболии легочной артерии, и Федор, помогая медсестрам переложить труп на каталку, подумал: как жаль, что смерть выбрала не его, а этого симпатичного мужичка, который был счастлив и хотел жить.

Забываясь под утро тяжелым сном, Федор мечтал не проснуться, но медсестра давала ему холодный мокрый градусник — и приходилось начинать новый пустой день.

Федор пытался занять себя чтением, но взгляд равнодушно скользил по страницам любой книги, будь то классика или детектив. Периодиче-

ская печать тоже не радовала — он никогда не любил газет и журналов, а в последнее время они к тому же слишком много внимания уделяли его скромной персоне. В стороне остался, пожалуй, только «Юный натуралист», остальные издания почли своим долгом вылить ушат помоев на зарвавшегося лихача-прокурора и напомнить советским гражданам, что у нас перед законом все равны и никакие должности и регалии не помогут тебе избежать уголовной ответственности. Федор мог бы, не вставая с койки, привести множество примеров, доказывающих, что это совсем не так, поэтому обличительный пафос журналистов скорее веселил его, чем расстраивал.

Наряду с публичной поркой прокурора газеты прославляли какую-то девочку, которая, находясь в непосредственной близости от места аварии, не растерялась, а спасла ребенка, который иначе погиб бы под колесами потерявшей управление машины, а потом отважно оказывала пострадавшим первую помощь до приезда «Скорой».

Только думая об этой отважной девчонке, Федор немножко оживал. Ему хотелось познакомиться с нею, поблагодарить за свое чудесное спасение, а главное, за то, что выхватила ребенка из-под колес и избавила его от груза, слишком тяжелого даже для его выносливой совести.

Когда его навестил следователь, Федор спросил, как можно связаться с героической девоч-

кой, но тот ответил, что она — ключевой свидетель, поэтому общаться с нею до суда нельзя.

Что ж, делать нечего, оставалось только мысленно желать девочке всего счастья, которое только возможно в этом мире.

Хоть Федор понимал, что после суда его ждет зона, что в его случае означает смерть, все равно хотелось поскорее покончить с этой неопределенностью.

Пока он не поправился, его нельзя ни судить, ни уволить, но больничная койка уже осточертела, да и противно, если люди думают, что он не только лихач, но еще и трус, скрывающийся от правосудия за мнимой болезнью.

Жена навещала его каждый день, строгая и спокойная, как всегда, и Федор не спрашивал, понимает ли она, что жизнь ее навсегда изменилась. Не будет больше ни личных шоферов, ни спецраспределителей, ни закрытых секций магазинов, ни помощницы по хозяйству, даже таких мелких номенклатурных привилегий, как доступ к хорошим книгам, не останется. Если Таньку после суда над ним не выселят из квартиры, это можно будет считать огромной удачей.

Она приходила, вежливая и сдержанная, как мятный «Холодок», доставала из сумки разную полезную еду и свежее белье, а Федор ни о чем ее не спрашивал, не мешал ей выполнять свой долг жены до конца (ведь ничего нет лучше сознания, что ты сделал все, что мог, нигде не смалoduшничал и не уклонился).

Однажды она принесла ему очередную филиппику на тему его лихачества. Толстый ежемесячный журнал тоже решил отметиться во всеобщей травле и напечатал длинный очерк, в котором автор поставил перед собой сложную задачу вывести обобщение из одного-единственного случая, отчего произведение его получилось одновременно и занудным, и кликушеским. Федор не слишком разбирался в литературе, но полагал, что очеркист-профессионал мог бы называть его не только зарвавшимся хамом, а поискать еще какие-нибудь хлесткие эпитеты для выражения своего негодования.

Пожав плечами, он вернул журнал Татьяне.

— Только я подумала, что проблема утратила остроту, как вот опять, — процедила она.

Федор поморщился:

— До суда теперь будут нагнетать, будоражить народное сознание, чтобы судьи не подумали вынести мягкий приговор.

— А такие публикации разве не противозаконны?

— Немножко. Но кто считает, когда раз в кои-то веки призвали к ответу чинушу и бюрократа?

Жена усмехнулась:

— Ну да, у меня на работе все рады как дети. Тетки прямо трясутся от счастья, ах, наконец-то и моя корова тоже сдохла, и я дерьма похлебаю, как они.

— Ты уж прости, Таня, что так получилось...

— Федор, я не верю, что ты виноват в этой аварии, — вдруг сказала жена.

Он вздрогнул, так неожиданно это было услышать.

— Правда?

— Да. Но не из сентиментальных соображений, а просто я слишком часто ездила с тобой и знаю, какой ты осторожный и ответственный водитель. Ты просто не мог устроить такое даже на подсознательном уровне.

— Однако...

Жестом остановив Федора, Татьяна наклонилась к нему поближе и заговорила очень тихо, чтобы не слышали соседи по палате:

— Федор, я знаю, что в тот день ты ехал с похорон своей любовницы, к которой, очевидно, питал сильные чувства, но все равно не верю, что ты от горя настолько обезумел, чтобы так грубо нарушать правила движения.

— Таня, я... — похолодев, проговорил Федор, но Татьяна резко оборвала его:

— Не трудись оправдываться и тем более лгать. Что было, то было.

Федор опустил глаза и прошептал:

— Знаешь — и все равно не веришь, что я виноват?

— Не верю.

— Ах, Таня, вера против фактов — слабое оружие.

— Ты лучше постарайся вспомнить, как все было.

— Да уж пытался.

— Никак не вспоминается?

— Никак.

— Что ж, у тебя из памяти выпало всего несколько секунд, — покачала головой Татьяна, — а некоторые после травмы забывают всю предыдущую жизнь и вообще, кто они такие. Тебе еще грех жаловаться.

— Что да, то да, — вздохнул Федор и подумал, что если бы мог выбирать, то скорее всего предпочел бы последний вариант.

— Возможно, — сделала предположение Татьяна, — автотехническая экспертиза найдет аргументы в твою пользу. Например, выяснится, что руль внезапно отвалился или тормоза...

Федор засмеялся:

— Об этом даже мечтать нечего. Слушай, Тань, раз ты все знаешь, давай разведемся? Тебе-то зачем вместе со мной пропадать?

Татьяна посмотрела на него сурово:

— Федя, мы с тобой жили плохо, давай хоть напоследок не опозоримся?

— Ладно, давай.

Федор улыбнулся, хотел погладить ее по коленке, но не решился.

Сентябрь

Жизнь Ксюши Кругликовой круто изменилась как раз в тот день, когда она окончательно и бесповоротно пришла к выводу, что ничего и

никогда в ее жизни измениться в принципе не может.

Каждый год Ксюша ждала первое сентября как начало новой эпохи, где она больше не будет незаметной серой мышкой, а, похудевшая и загоревшая, с новой прической, враз превратится в популярную девчонку. Каждый год Ксюша готовилась к этому резкому повороту судьбы, весь август голодала, потому что популярными могут быть только очень стройные и худенькие девочки, и каждый же год ничего не происходило. После первых будоражащих минут встречи школьная жизнь возвращалась на круги своя, в которой Ксюше отводилась скромная роль никого.

Мальчики не провожали ее заинтересованными взглядами, учителя, давно убедившись, что Ксюша всегда внесет свою четверку в статистику успеваемости, смотрели сквозь нее, а девочки были тоже не такие дуры, чтобы дружить с пустым местом.

Вот если бы у нее были хотя бы джинсы... Или кроссовки, или модная импортная сумка...

Если бы прийти на линейку первого сентября в кроссовках «адидас» и в яркой розовой курточке с лейблом, небрежно закинув на одно плечо маленький джинсовый рюкзак, так сразу бы все повернулись в ее сторону!

Мама талдычит, что дело не в шмотках, но это справедливо только для первых красавиц Лены Трифоновой и Оли Кудрявцевой. У них узкие бедра, красивые волнистые волосы, им, да, можно

хоть в почтовых мешках рассекать, а остальным как быть, чтобы пользоваться успехом?

Взять хоть ее тезку Ксюшу Михайлову. Она вообще страшная, морда кошельком, однако с ног до головы упакована в импортные шмотки, потому что папа — капитан дальнего плавания. И вот, пожалуйста, царица класса. Ее даже не по имени зовут, а называют Кисой, хотя рожей она явно смахивает не на кошечку, а на картошечку.

Ксюша явно симпатичнее Кисы, но только вместо джинсов получает дома трехчасовые нотации, что материальные блага — это низко и недостойно. Мама любит вести подобную трансляцию такого из своего волшебного мира, где главное — это честность, порядочность и возможность заниматься любимым делом и приносить пользу людям. В этом мире встречаются сразу по уму, и, кроме мамы, там еще живут хорошие молодые люди, которые смотрят не на шмотки, а на то, чтобы девушка была чистая, скромная, добрая и аккуратная, а главное, помогала маме и хорошо умела справляться с хозяйством. А такие мальчики, которым важно, во что девушка одета, — просто дураки и никому не нужны, потому что ограниченные и узколобые, и вообще мещане.

Все это прекрасно, если жить в маминых фантазиях, а в реальности Ксюша сильно сомневалась, что, если принесет в школу кастрюлю идеально почищенной картошки, это как-то поможет ей добиться успеха. Равно как и аккуратная